Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Для широкого круга читателей
Оқырмандардың кең ауқымына арналған

Серия «Миры Ли Бардуго. Grishaverse»

16+

Ли Бардуго
КОРОЛЬ ШРАМОВ

Заведующий редакцией *Сергей Тишков*
Ведущий редактор *Лианна Акопова*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Корректор *Надежда Лин*
Верстка *Александра Лытаева*

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные

Подписано в печать 26.04.2021. Формат 84x108/32
Печать офсетная. ГарнитураNewBaskervilleITC. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 31,92. Доп. тираж экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2021 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва,
Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. I, этаж 7
Наш электронный адрес: WWW.AST.RU
Интернет-магазин: book24.ru

Өндіруші: ЖШҚ «АСТ баспасы»
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: mainstream@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2021
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!
https://vk.com/ast_mainstream
https://www.instagram.com/ast_mainstream
https://www.facebook.com/astmainstream

Посвящается Морган Фахи:
генералу – в военное время, советнику – в мирное;
дорогой подруге
и (почти всегда) милостивой королеве

ГРИШИ́

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ

МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(ОРДЕН ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ)

СЕРДЦЕБИТЫ
ЦЕЛИТЕЛИ

ЭФИРЕАЛЫ
(ОРДЕН ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ)

ШКВАЛЬНЫЕ
ИНФЕРНЫ
ПРОЛИВНЫЕ

СУБСТАНЦИАЛЫ
(ОРДЕН ФАБРИКАТОРОВ)

ПРОЧНИКИ
АЛКЕМЫ

УТОПАЮЩИЙ

1
Дима

Дима первым услышал, как стукнули ворота хлева. Кухня маленького деревенского домика бурлила, точно похлебка на огне; воздух был нагретым и влажным, окна наглухо закрыты — снаружи неистовствовала буря. От громких голосов дрожали стены: Димины братья горланили, перебивая друг дружку, мать напевала и притопывала ногой в такт незнакомой ему песне. На коленях у нее была разложена отцовская рубаха — порванный рукав туго натянут. Игла часто, неритмично клевала ткань, словно воробей рассыпанное зерно, нить белым червячком вилась меж пальцев.

Дима был младшим из шестерых сыновей, последышем. На свет он появился много после того, как доктор, посещавший деревню каждое лето, объявил его матери, что детей у нее больше не будет. «Нечаянная радость», — любила повторять мать, прижимая Диму к груди и ласково гладя по голове, когда остальные уходили работать. «Лишний нахлебник», — презрительно кривился старший брат Петр.

Балагуря друг с другом, братья попросту не замечали маленького, щуплого Диму, так же как забывали о нем во время жарких семейных споров. Вот почему тем осенним вечером, домывая в лохани плошки, оставленные ему братьями, зловещий глухой стук услыхал только он. Дима стал тереть еще усерднее, чтобы поскорее закончить и спрятаться под одеялом прежде, чем кому-нибудь придет в голову послать его за порог, в темноту. Ветер усилился и перешел в сердитый вой; Молния, дворовая собака, заскулила под дверью, выпрашивая объедки и теплый угол.

Ветки царапнули по стеклу. Мать вскинула голову, и вокруг ее рта глубже проступили скорбные морщинки. Женщина сурово сдвинула брови, точно собиралась наказать ветер, лишив его ужина.

— Зимы нынче приходят рано и долго не уходят, — промолвила она.

— Хм-м-м, — отозвался отец, — прямо как ваша мать, ребята.

Мать пнула его носком башмака.

На ночь она оставила за старой железной печкой кружечку кваса — подношение домашним духам, хранителям очага, которые присматривали за хозяйством и спали в теплом подпечье. Во всяком случае, мать в это верила. Отец лишь недовольно морщился, досадуя, что она зря переводит добрый напиток.

Дима знал: после того как все уснут, Петр выхлебает квас и умнет кусок медовой коврижки, завернутый в чистый холст. «Призрак прабабки тебе отомстит», — грозил ему Дима, но Петр лишь утирал губы рукавом и отвечал: «Призраков не существует, дуралей. Бабу Галину съели кладбищенские черви, и то же самое ждет тебя, если не научишься держать рот на замке».

Неожиданно оказавшись рядом, Петр больно пихнул младшего брата в бок. Дима часто гадал, не делает ли тот специальных упражнений, чтобы локти были еще острее.

— Слышишь? — спросил Петр.

— Не слышу я ничего. — У Димы упало сердце. Хлев.

— Там кто-то есть. Кто-то или что-то разгуливает посреди бури.

А, брат просто хочет его напугать.

— Не мели ерунды, — буркнул Дима, в душе испытав облегчение.

— Слушай, слушай, — не отставал Петр.

Порыв ветра сотряс крышу, в очаге взметнулся сноп искр. За гудением бури Диме почудился еще какой-то звук, далекий и пронзительный, похожий на вой голодного зверя или жалобный детский плач.

— Когда над кладбищем дует ветер, в могилах просыпаются *маленечки*, духи младенцев, умерших неокрещенными. Просыпаются и выходят на охоту. Крадут свежие души, чтобы в обмен выторговать себе пропуск на небеса. — Петр наклонился и ткнул Диму пальцем в плечо. — Они всегда забирают самых младших.

Диме уже исполнилось восемь, так что в эти байки он не верил, и все же его взгляд невольно скользнул к темному окну и залитому лунным светом двору, где ветер гнул и раскачивал деревья. Мальчуган вздрогнул. Он готов был поклясться: на миг, всего на краткий миг, там мелькнула тень, черное пятно размерами гораздо больше птицы.

Петр расхохотался и брызнул на него мыльной водой.

— Честное слово, ты с каждым днем становишься все дурнее! Кому нужна твоя жалкая душонка?

«Петр злится просто потому, что до твоего рождения младшим был он, — говорила Диме мать. — Постарайся быть к нему добрее, хоть с возрастом он и не поумнел».

Дима старался как мог, но порой ему очень хотелось хорошенько пнуть Петра под зад — чтобы брат почувствовал на себе, что такое унижение.

Ветер стих, и в наступившей тишине все отчетливо расслышали, как хлопают ворота хлева.

— Кто не запер хлев? — задал вопрос отец.

— Сегодня Димина очередь обходить двор, — невинно заметил Петр, и четверо остальных братьев, сидевших за столом, закудахтали, словно растревоженные куры.

— Я закрывал, — возмутился Дима. — Я крепко задвинул засов.

Отец откинулся на спинку стула.

— По-твоему, стук мне мерещится?

— Он, поди, думает, это призраки, — фыркнул Петр.

Мать оторвала взгляд от шитья.

— Дима, сходи запри ворота, — сказала она.

— Ладно уж, давайте я схожу, — притворно вздохнул Петр. — Всем известно, как наш Дима боится темноты.

Это проверка, догадался Дима. Отец ждет, что младший сын справится сам.

— А вот и не боюсь, — заявил он. — Сейчас пойду и закрою.

Не обращая внимания на довольную ухмылку Петра, Дима вытер руки, натянул кафтан и шапку. Мать протянула ему жестяную лампу.

— Беги скорей, — она подняла воротник кафтана, чтобы Диме не продуло шею. — А потом я посижу с тобой, расскажу перед сном сказку.

— Новую?

— Да, интересную новую сказку о северных русалках.

— А волшебство в ней будет?

— Сколько угодно. Ну, поспеши.

Дима скосил глаза на икону Санкт-Феликса над дверью: дрожащее пламя лампы бросало отблески на скорбный лик святого, чей взор был полон сочувствия, словно тот знал, как холодно на улице. Феликса проткнули кольями, вырезанными из яблоневых сучьев, и заживо изжарили на костре всего через несколько часов после того, как он явил чудо, заставив сады цвести. Он не стонал и не кричал, лишь попросил жителей деревни перевернуть его, чтобы огонь доставал и до другого бока. Феликс бы не испугался бури.

Стоило Диме ступить за порог, как ветер рванул дверь у него из рук. Мальчик захлопнул ее и услышал лязг крюка с той стороны. Конечно, он понимал, что так надо, что это всего на минутку, однако все равно не мог отделаться от ощущения, что наказан. Оглянувшись на светящиеся окна, Дима заставил себя спуститься по ступенькам крыльца на утоптанный двор, и его охватила жуткая мысль: семья забыла про него, как только он покинул безопасное тепло кухни, и, если он не вернется, никто о нем даже не вспомнит. Ветер выдует Диму из памяти родных.

Он изучил взглядом длинную, залитую лунным светом часть двора, которую ему предстояло преодолеть: чтобы добраться до хлева, где держали старого мерина Герасима и корову Матильду, нужно пройти мимо курятника и сарая для гусей.

— Стальные дисковые лезвия, — прошептал он, коснувшись рукой новенького плуга, словно это был талисман на удачу. Дима точно не знал, чем так хороши дисковые лезвия, просто именно эти слова отец с гордостью повторял соседям, когда привезли плуг, и Диме

нравилось их веское звучание. Споров насчет плуга в семье велось немало, как и насчет того, к добру или к худу все эти сельскохозяйственные реформы, которые затеял король.

— Скоро разразится очередная гражданская война, — ворчала мать. — Наш король слишком опрометчив.

Отца, наоборот, все устраивало.

— О чем беспокоиться, если в доме все сыты, а крышу недавно перекрыли? В этом году мы впервые собрали урожая больше, чем требуется на прокорм семьи, и смогли продать излишки.

— Это лишь потому, что король урезал назначенную князем Радимовым десятину! — горячилась мать.

— Так что же нам теперь, горевать?

— Придется еще погоревать, когда князь со своими дружками-аристократами прирежут короля прямо в постели.

— Король Николай — герой войны! — махал рукой отец, словно все заботы можно было отогнать, как дым. — А без поддержки армии переворота не будет.

Каждый вечер родители переливали из пустого в порожнее, обсуждая одно и то же. Дима почти ничего не понимал, усвоив только, что должен молиться за молодого короля.

Гуси в сарае беспокойно гоготали и хлопали крыльями — то ли их всполошила непогода, то ли неуверенные шаги Димы. Впереди стучали на ветру большие деревянные ворота хлева, распахиваясь настежь, захлопываясь и снова распахиваясь. Постройка будто бы тяжело дышала, а дверной проем напоминал огромный рот, готовый втянуть в себя мальчика одним вдохом. Диме нравилось в хлеву, но только днем, когда солнечные лучи проникали сквозь щели в крыше, пахло душистым

сеном, Герасим тихонько всхрапывал, а Матильда порой обиженно мычала. В темноте, однако, хлев казался пустой оболочкой, норой монстра, хитрой твари, нарочно распахнувшей двери, чтобы заманить внутрь глупого мальчишку. Дима точно помнил, что закрывал ворота, нисколько в этом не сомневался! Ему невольно вспомнились *маленечки*, о которых говорил Петр, мелкие призраки, что рыщут в поисках невинной души.

Хватит, одернул себя Дима. Это Петр отпер ворота, чтобы младшенькому пришлось либо тащиться на холод, либо выставить себя трусом. Но Дима доказал отцу и братьям, что не трус! Он поежился от ветра и поднял воротник повыше, но, тем не менее, мысль эта его обогрела.

Он вдруг понял, что больше не слышит тявканья Молнии. Когда Дима выходил, собака не крутилась под дверью, не пыталась прошмыгнуть в дом.

— Молния! — окликнул он. Ветер подхватил его голос, унес вдаль. — Молния! — повторил мальчик самую капельку громче: а вдруг его услышит кто-нибудь еще, кроме собаки?

Шаг за шагом Дима пересек двор. По земле метались тени деревьев, за лесом белела широкая лента дороги, что вела в город, прямо к церковному кладбищу. Дима не решился смотреть на нее. Слишком легко вообразить, как, роняя комья кладбищенской земли, по этой дороге неуклюже волочит ноги мертвец в истлевшем саване.

Где-то среди деревьев раздалось жалобное тявканье. Дима взвизгнул от ужаса. Из мрака на него уставились желтые глаза. Свет лампы упал на черные лапы, лохматую шерсть, обнаженные клыки.

— Молния! — выдохнул мальчик, радуясь, что буря заглушает все остальные звуки. Он бы просто не вынес,

если бы братья услышали его позорный вопль, выскочили во двор и увидели, что он испугался собственной псины в кустах. — Иди сюда, девочка, — позвал он.

Вжавшись брюхом в землю и пригнув уши, Молния не двинулась с места. Дима оглянулся на хлев. Поперечная жердь, которая служила засовом и должна была удерживать ворота закрытыми, валялась на земле, разбитая в щепки. Откуда-то изнутри доносилось приглушенное влажное сопение. Может, в хлев пробрался раненый зверь? Волк?

Золотистый свет окон казался невероятно далеким. Наверное, лучше вернуться за помощью, подумал Дима. Никто ведь не ждет, что он в одиночку пойдет на волка. Но что, если в хлеву никого нет — или там прячется безобидный кот, которого загнала туда Молния? Тогда не только Петр, но и остальные братья поднимут его на смех.

Шаркая, Дима поплелся к хлеву. Лампу он держал перед собой на вытянутой руке. Дождавшись, пока ветер утихнет, мальчик крепко ухватился за тяжелую створку, чтобы та его не ударила.

Внутри царила темнота, и лишь сверху проникали тоненькие полоски лунного света. Дима осторожно шагнул вперед. Вспомнил добрые глаза Санкт-Феликса, острый яблоневый кол, пронзающий сердце святого. А потом снова ударил ветер, точно непогода, бравшая передышку, вернулась с новой силой. Ворота за спиной Димы захлопнулись, жидкий свет лампы дрогнул и погас.

Снаружи бесновалась буря, однако в хлеву было тихо. Скотина не издавала звуков, словно застыв в ожидании. Дима чувствовал кисловатый запах животного страха, перебивавший аромат сена, но был и другой